

Евгений Маляр

Дождь в Мюнхене

Детективная повесть начала XX века

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Евгений Маляр

**Дождь в Мюнхене. Детективная
повесть начала XX века**

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Маляр Е. А.

Дождь в Мюнхене. Детективная повесть начала XX века /
Е. А. Маляр — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Шестая повесть детективной серии о Николае Ордынцеве. Бывший следователь царской полиции живет в эмиграции в Баварии. Действие происходит осенью 1923 года. Загадочные убийства происходят на фоне попытки государственного переворота, известного как Пивной путч. В результате расследования, к которому германская полиция Веймарской республики неформально привлекает русских сыщиков-эмигрантов, выявляется связь преступлений с политическими событиями в стране. Николай снова встречается с Анастасией, ставшей сотрудницей Коминтерна – сильнейшей в мире разведывательной службы. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Список действующих лиц	6
I	7
II	9
III	11
IV	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

В оформлении обложки использована фотография с сайта <https://gazeta.ua/p/588684/17>, на которой изображен городской пейзаж Германии 20-х годов.

Список действующих лиц

Ордынцев Николай Арефьевич – бывший надворный советник, бывший следователь по досудебному разбирательству, обладатель нансеновского паспорта, эмигрант, мужчина лет сорока с небольшим;

Роза Ордынцева, в девичестве – Штрамбуль, жена Ордынцева. Женщина лет сорока, симпатичная. Работает гувернанткой;

Иван Ордынцев – их сын, автомеханик, причем очень хороший;

Василий Буров – бывший старший следователь уголовной полиции города Одессы, а ныне швейцар в ресторане гостиницы «Лесная тишина»;

Анастасия, она же Настя Триандафилова, она же товарищ Нарыжная – беглая дочь купца, большевичка, по-прежнему очень красива. Выполняет ответственные поручения за рубежом;

Товарищ Иванов – скромный секретарь. По словам одного марксиста, сосредоточил в своих руках огромную власть;

Дядя Дольфи – темная лошадка на немецком политическом ипподроме. Что из него получится, совершенно неясно;

Зальдер – мюнхенский торговец недвижимостью, работодатель Николая и Розы Ордынцевых, хозяин дома, в котором они нашли приют;

Клаус, Берта и Франц – хозяйские дети, очень любят дядю Дольфи. Им восемь, четыре и шесть лет соответственно;

Карл Гессер – владелец авторемонтной мастерской;

Вацлав Крыштовский – вроде бы по паспорту поляк, а на самом деле не очень. Выполнял особые поручения, проявил инициативу, и это для него кончилось печально;

Дитер К – проводник спального вагона № 8 поезда №32 Мюнхен – Плауэн;

Прочие жители Мюнхена, полицейские, эмигранты, социал-демократы, националистические социалисты и представители других партий, внедренные в их ряды агенты Коминтерна, а также обычные обыватели, населявшие это баварский город в 1923 году.

I

13 октября 1923 года. Плауэн, Бавария. Вокзал

Тяжелые капли стучали по крыше вагона. Поздняя осень давала о себе знать: сейчас восемь утра, даже начало девятого, а впечатление, что вечер – мрачно, серятина за окном.

У дверей купе стояли проводник, шуцман и двое пассажиров, случайно замешкавшихся и попавших потому в число понятых. Полицейский спокойно составлял протокол, остальные трое нервничали. Время шло, а инфляция бежала. Цены росли с каждым часом, а иногда и быстрее, и марки, с таким трудом заработанные, теряли свою цену. Вот уж действительно, время – деньги. Только это там, далеко за океаном, американцы богатеют с каждым часом, а здесь все наоборот.

Но ничего не поделаешь, с шуцманом не поспоришь. Сказал, стой здесь, в узком проходе спального вагона, значит – стой. Смотреть внутрь купе уже не хотелось, любопытство прошло, зато настало время клясть себя за это дурацкое чувство, что, как известно, кошку сгубило.

Да и не на что там смотреть было. Лежит себе на полке человек. Сразу видно – мертв он, как колода. Никаких признаков жизни не подает – лицо восковое, и ведь не убили его, сам, видно, окочурился, во сне.

Такое бывает. Проводник уже пожилой и ему случалось участвовать в подобных делах. И сегодня, зайдя в купе первого класса на конечной станции в Плауэне, он сразу почувствовал смерть, притаившуюся на верхней полке за кожаными ремешками барьерчика, предохраняющего от падения при экстренном торможении.

Сразу, как положено, вызвал полицию и задержал двоих пассажиров. Сейчас все быстро произойдет, запишут их имена и адреса, и отпустят, а беднягу увезут в морг. И проводника недолго помурьжат, а потом тоже освободят, – ведь работа у него, убирать, постели сдавать и все такое...

Сразу понятно, что умерший – какой-то небогатый человек. Отправили, видно, в деловую поездку от какой-то адвокатской конторы или торговой фирмы, а сердечко не выдержало нагрузок от постоянных поездов, скверного питания и гостиниц. Немолодой ведь уже, лет за пятьдесят. Костюмчик так себе – вон пиджачок на вешалке висит, залоснился на воротнике и локтях. И рубашка явно тоже не очень новая.

"Начальнику полиции г. Плауэн, земля Бавария
РАПОРТ

Сегодня, 13 октября 1923 года, по прибытии поезда № 32 сообщения Мюнхен – Плауэн в купе спального вагона № 8, на месте № 14 (верхнем) обнаружен труп мужчины. При первичном осмотре признаков насильственной смерти не обнаружено. Умершему на вид около пятидесяти лет. Содержимое карманов составляет:

- Портмоне, в нем – три тысячи двести пятьдесят марок и десять фунтов стерлинга;
- Паспорт гражданина Польши на имя Вацлава Крыштовского;
- Оплаченный счет отеля "Лесная тишина". Из него видно, что герр Крыштовский прожил в Мюнхене два дня и уехал вчера вечером;
- Начатая пачка сигарет американского производства (зеленого цвета с красным кругом посередине);
- Коробок спичек;
- Два ключа в связке на стальном кольце.

Костюм покойного поношенный, пошит в Польше, в краковском ателье (улица Маршалковская, дом 24), о чем свидетельствует бирка на подкладке пиджака. Ботинки тоже не новые, но дорогие, английские, шились на заказ.

Труп доставлен в морг городского госпиталя для вскрытия.

Клаус Кирхе, фельдфебель городской полиции города Плауэн."

ПРОТОКОЛ

допроса проводника спального вагона № 8 поезда №32 Мюнхен – Плауэн Дитера К,

Из показаний указанного свидетеля, проводника Дитера К. следует, что пассажир, ехавший на 14-м месте, вошел за две-три минуты до отхода поезда. Выглядел обеспокоенным, заходя в вагон, оглянулся на перрон.

Запомнил его потому, что одежда пассажира не соответствовала первому классу вагона. Проводник привык к более уважаемой публике.

С собой имел портфель. Сразу заперся – когда кондуктор проверял билеты, ему пришлось постучать.

Как раз в этот момент в купе вошел еще один мужчина, лет сорока, очень хорошо одетый. Разглядеть его проводник не сумел: на лоб пассажира был надвинут котелок. Телосложения крепкого. Этот господин зашел в вагон, когда поезд уже трогался. Его провожала дама, видимо, его жена, красивая, впрочем, поручиться нельзя, на ней была шляпка с вуалью.

Почему жена? А если бы это была любовница, то они, наверное, простились бы более темпераментно. А так – он как-то бегло ее поцеловал, а она наспех коснулась его руки пальцами в черной перчатке, и все.

Так вот, пассажир с 14-го был крайне недоволен своим соседством – его, видите ли, убеждали в кассе, что ехать он будет один. На что кондуктор ответил, что сейчас дело с билетами очень плохо обстоит, вагоны второго и третьего классов переполнены, много воров и безбилетников, и он с ужасом думает о том, каково ему сейчас придется, а ведь билеты проверять надо и там.

К тому же приличным господа, у которых есть возможность ездить с комфортом, возможно, будет о чем поговорить, а если нет – то уж докупать друг дружке они наверняка не будут.

Ну, тот и смирился. Тем более что попутчик сошел через два часа, на станции Пфаффенхофен. Как выходил, проводник не помнит, была уже ночь. Вещи нес, да. Чемодан у него был, большой такой, с наклейками. Париж, Ницца, еще какие-то города. Бывалый, видно, путешественник. Портфеля не было, это точно.

С моих слов все записано правильно.

Дитер К.

13 октября 1923 года

г. Плауэн

II

14 октября 1923 года. У Христа за пазухой

– Дядя Дольфи приехал! Дядушка Дольфи! Милый дядюшка Дольфи! – кричали дети, а их было трое, мал мала меньше. Старшему, Клаусу – восемь, младшей Берте – четыре, а среднему, Францу – шесть.

И за что только они его любят, – подумал Николай Арефьевич, складывая в аккуратную стопочку буквари и учебники. А действительно, за что?

Дядя Дольфи, он же Адольф, приятель хозяев дома, в котором нашли приют и работу Ордынцевы, был неказист, худ, костистое лицо его не выражало особой доброты, а взгляд и вовсе был каким-то беспокойно-пугающим. Усы топорщились, когда он что-то говорил, при этом спокойной его речь было невозможно назвать даже с натяжкой. А вот любят его дети, и не только хозяйские. Вон, повисли на нем, а он, по обыкновению, шутливо набросился на них, изображая рычанием то ли волка, то ли собаку, и размахивая при этом зонтиком.

Немецкий язык Николай Арефьевич знал не очень хорошо, но, чтобы учить детей французскому и русскому хватало. Маленьких хозяев забавлял его акцент, они веселились от души, и все схватывали на лету, особенно Франц и Клаус.

Жена намного быстрее освоилась, но Роза знала идиш, и многие слова понимала сразу. Эту работу после долгих месяцев мытарств нашла именно она. Богатому торговцу недвижимостью Зальдеру захотелось иметь в своем доме в качестве прислуги и гувернантки настоящих русских дворян.

Ордынцев благоразумно не стал объяснять разницу между потомственным и личным титулом, и вот теперь они жили как у Христа за пазухой, особенно, если сравнивать с румынскими и польскими годами их жизни.

Иван, их сын, довольно красивый молодой человек, быстро нашел себе работу механика в одном из гаражей, и жил отдельно, впрочем, часто видясь с родителями в свободное время.

Кстати, насчет свободного времени, – у Розы его практически не было, ведь вести домашнее хозяйство – дело хлопотное. Дом большой, шесть комнат, две ванны, холл и все такое прочее. Да еще и кухня.

Правда, была еще кухарка, она готовила, но за ней надо было тоже прибираться, да еще и помогать ей.

Иногда хозяевам хотелось чего-то из русской кухни, и тогда к плите становилась Роза и готовила все, что умела: борщ, какие-то салаты, жарила мясо или рыбу. Гефилте фиш, то есть фаршированная рыба тоже проходила как русское блюдо, о чем не без ехидства Роза сообщила как-то мужу. Ну да ладно, какая разница, собственно, главное, чтобы вкусно было.

А вот у Николая Арефьевича досуга было побольше: поучил детей часика два утром и немного меньше вечером – и свободен.

Иногда они ходили с Иваном в гештеты, пили пиво, кальвадос или еще какой-то шнапс, и разговаривали. Темы бесед были разнообразными, но заканчивали они почти всегда воспоминаниями о родной стране и обсуждениями ее возможного будущего. Ну да здесь они не были оригиналами: все их знакомые эмигранты проводили изрядную часть своего досуга в подобных разговорах.

Вот и сегодня Ордынцев-старший после утренних занятий решил пройтись по городу и заглянуть в мастерскую к сыну, и если он не занят, а работы сейчас немного, то пойти с ним прогуляться – зайти куда-нибудь, перекусить чего-то, сосисок с картофельным пюре, например, выпить по стопочке-другой, или пивка, ну и поговорить.

Иван стал интересным собеседником, и Николай Арефьевич с удовольствием отмечал, что сыну тоже с ним не скучно. Никаких тебе тургеневских конфликтов отцов и детей.

III

14 октября 1923 года. Лесная тишина

Накрапывал мелкий дождик, и Ордынцев пожалел, что не взял зонта. Вот и мастерская. Из ворот выезжает "Жестянка Лиззи", Форд модели «Т». За рулем – Иван, он в потертой кожаной куртке и кепке, на щеке – темное масляное пятно, рядом с ним – какой-то «герр», – господин средних лет в тройке, видимо хозяин авто.

Сын подал рукой отцу знак – подожди, мол, я сейчас. Машина свернула за угол, а через пару минут выехала из-за дома с противоположной стороны. По лицу автовладельца было понятно – работой механика он доволен. И вправду, мотор работает тихо, скорости переключаются без скрежета. И уверенность – не набили в коробку передач опилок с маслом, как в некоторых других авторемонтных мастерских, чтобы уменьшить шумы, а честно все перебрали и заменили изношенные детали.

Такая репутация достигнута за год, и это – заслуга Ваньки, его сынули!

Клиент раскрыл портмоне, вытащил пачку тысячемарковых банкнот, потом подумал, и добавил еще пару бумажек, засунув их в нагрудный карман кожанки: "данке!"

Иван, исполненный достоинства, даже не скосил вниз глаза, прощаясь с клиентом, лишь вежливо пожелал удачи в пути. Затем, глянув в сторону поджидавшего его отца, зашел в ворота мастерской, на которых крупными буквами было выведено: "АВТОМАСТЕРСКАЯ КАРЛА ГРОССЕРА. РЕМОНТ АВТО ВСЕВОЗМОЖНЫХ МАРОК", держа в правой руке пачку ассигнаций. Через минуты две-три вышел, засовывая в тот же нагрудный карман еще несколько бумажек, в компании самого Карла, хозяина. Тот уважительно похлопывал Ивана по плечу, попыхивая толстой сигарой.

Ордынцев знал эту марку – скручены они были из буковых листьев, пропитанных никотином, аромат еще тот... Что делать – всеобщая бедность, и хозяевам сейчас несладко. А вот Ваньку он ценит и уважает. Золотые руки, золотая голова! "Иди, Иван, иди, отдохни с отцом. Ты славно поработал. В двух автомастерских за этот рыдван даже не стали братья!"

– Привет, папа! – сын протянул руку.

– Здоров, сынуля! Ну что, пошли, прощвырнемся? Я угощаю!

– Не, пап, сегодня плачу я! Видал, заработок есть. Даже и сверху кое-что выгорело, – понизил голос Ваня, хотя герр Гроссер по-русски и не понимал.

– Куда пойдем? Ты только икру не мечи, сегодня пришло, а завтра...

– А ну его к лешему, папа, сегодня есть, и ладно. Будет день – будет пища.

– Слушай, а пошли в "Лесную тишину"! Там вполне прилично, а еще мой приятель работает, он там вроде как вышибала. Буров, помнишь? – Ордынцев все думал, как избавить сына от чрезмерных трат, он его знал, – только денежки заведутся, тут же и щедрость без границ. А потом – зубы не полку... А Вася давно приглашал его зайти, и обещал, что все будет стоить дешевле, – как для него.

– Дядя Вася? Да я с радостью его увижу! Пошли сейчас же!

И отец с сыном, как два закадычных приятеля, ускорив шаг, направились в сторону гостиницы "Лесная тишина".

"Дядю Васю" они застали в момент выполнения им своих самых непосредственных служебных обязанностей. Правой рукой он держал за воротник одного из посетителей, а левой деликатно, но настойчиво отпихивал другого. Все это происходило у дверей фойе, спор не утихал, несмотря на все усилия Булова, старавшегося развести противоборствующие стороны на расстояние, возможное для его рук.

Увидев своего друга-соотечественника, да еще и в компании с сыном, он от радости несколько ослабил хватку, чем и воспользовался удерживаемый им за воротник посетитель. В полемическом запале он нанес своему оппоненту удар кулаком, сверху вниз, в переднюю часть черепа выше лба. Василий, утратив терпенье, столкнул обоих со ступенек, добавив известное русское выражение из трех слов, средним из которых было "вашу".

– Заходите, милости прошу, – обратился он к Ордынцевым, переводя дух и раскрывая двери, – здравствуйте. Рад видеть. Наконец собрались. Сейчас будем обедать. Я уже устал от политических баталий. Видали?

Не, вы видали? Тот, что был у меня в правой руке – социал-демократ, а в левой – национальный социалист. И оба очень переживают за народ. Еще и коммунисты есть. Те тоже очень озабочены, но мы уже с вами знаем, чем.

А еще тут гембель на нашу голову, – убийство какого-то странного чмура. Шел с портфелем, а его – шариком из трубки! Знаешь, Коляша, что за шарик? Тут местные националистические социалисты придумали: в трубке длиной вершков шесть резинками привязывают засверленные шарики. Взмахнул – и голова вдребезги. Почисте кистеня будет. Ну, он портфель, ясное дело, отпустил, так и не нашли потом. Не знаю, что внутри было, но уж видно что-то стоящее. Полиция забегала, да что они в этом нынешнем гармидере могут?

Николай отметил, что и здесь, в Германии, Вася не может обойтись без одесских словечек. Впрочем, языком Шиллера он владеет отменно, в университете хорошо учил, да и покойный Баум натаскивал. Они временами целыми днями говорили между собой по-немецки. Во время германской кто-то даже возмущался такой непатриотичностью, на что Генрих со свойственной ему рассудительностью ответил, что настоящие кайзеровские шпионы не стали бы так себя выдавать, и что он – русский поболее, чем иные крикливые патриоты.

IV

5.августа 1923 года. Москва, Кремль

– Вот что, товарищ Нарыжная. Партия ставит перед нами задачу.

Человек, давно знакомый Анастасии по партийной кличке "Иванов" носил теперь другое имя, металлическое, впрочем, тоже славянское. Тот же акцент, но в движениях стало больше мягкости, а неприметный костюм сменил неброский серый полувоенный френч. Сапоги по-прежнему любит мягкие, и трубка такая же, или та же самая. Говорить стал больше, а может просто сейчас нужно подробнее объяснить план налета, чем тогда, давно, в Ростове. Больше, но ненамного, так что слушать надо внимательно. Лишнего слова не скажет.

– Некоторые товарищи... – Иванов сделал паузу, которая должна была, с одной стороны, выразить его отношение к этим самым «товарищам», подчеркнуть ироничность самого такого обращения к ним, а с другой стороны дать время Анастасии четко понять, кто они, эти самые...

– Да, эти товарищи думали решить проблему мировой революции наскоком, по-кавалерийски, – и он снова замолчал.

– Вы имеете в виду этот бездарный поход на Варшаву? – решила задать уточняющий вопрос Нарыжная.

Иванов, занимающий скромную должность секретаря, улыбнулся уголками рта, склонил голову к столу, будто рассматривая лежащий перед ним документ. Еще зайдя в кабинет, Анастасия успела заметить, что листы, лежащие на зеленом сукне – чистая бумага.

– Не только. Хотя мне нравится ход Ваших мыслей, – качнул кончиком трубки секретарь, и, как добрый учитель воскресной школы, наставительно и неспешно продолжил, – но практика показала нам, что кавалерийским наскоком нашей задачи не решить. А почему?

– Мы ждали от польского пролетариата ответного, встречного удара по буржуазии, а его не последовало. Возобладали мелкобуржуазные, частнособственнические взгляды. Сильны также устаревшие национальные предрассудки. Так называемый патриотизм, например. Нежелание ставить интересы мирового рабочего класса выше национальных...

Нарыжная подготовилась хорошо. В партии боролись две тенденции – идея перманентной революции, яркая, но бесплодная, как красивая блудница, с которой мужчинам хочется делать детей, а она не может их родить, и вторая – не такая внешне привлекательная, но плодovitая и верная. Перспективная, в общем. Только с ней надо много и незаметно работать.

Если человек хочет покрасоваться перед народом, то ему по дороге с блудницей. А Настя выбрала надежный путь. Не надо ей славы.

– И как же нам действовать? – рыжие рысьи глаза сверлили чекистку в упор.

– Хитростью, товарищ секретарь, – негромко ответила она.

– А что за хитрость?

– Рассорить нам надо капиталистов. Но сами мы не сможем. Прямым нападением мы их только сплотим. Нужен нам человек, который их перессорит

Анастасия поняла, что попала в точку: секретарь аж по-кошачьи зажмурился от удовольствия беседовать с человеком, который понимает его немногословие.

– А какой это должен быть человек? Хороший или плохой? – спросил секретарь медленно, тщательно подбирая слова. Это был его стиль: задать очень простой, на первый взгляд по-детски наивный вопрос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.